

ЛИТТОН Т. РАЙТС

СЛУЧАИ С АНГЛИЧАНАМИ

всех мастей, занятий, званий и титулов,

смешные и печальные,
вряд ли страшные
и точно не сентиментальные,
иногда захватывающие,
иногда безмятежные,
как Индия до 1857 года,
то короткие, как лимерик,
то затянутые, как романы Ричардсона
(или это название),
происходившие иной раз
на заморских территориях, но чаще
в старой доброй Англии
некоторое время тому назад

РЕДИНГ, БЕРКШИР
MCMXXXII

12+

Литтон Райтс
Случаи с англичанами

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Райтс Л. Т.

Случаи с англичанами / Л. Т. Райтс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Литтон Т. Райтс (1893 - 1947?) — автор настолько загадочный и незаметный (точнее незамеченный), что его как будто бы не было в английской литературе. Но глупо сомневаться, видя книгу перед собой. Впервые на русском языке.

Содержание

Слово переводчика	6
Маленькие случаи	7
Случай первый. Мистер Ларк	8
Случай второй. Мистер Баджер	10
Случай третий. Мистер Илк	12
Случай четвертый. Чарльз IV	14
Случай пятый. Мистер Свеллоу	16
Случай шестой. Мистер Булфинч	18
Случаи средней величины	20
Случай первый. Мистер Лепвинг	21
Случай второй. Капитан Маскрет	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

*Использовать мой текст в качестве эпиграфа запрещаю.
Гилберт Кит Честертон.*

*Ваша беда в том, что англичане из этих рассказов лишены подлинно английских черт. Почему они англичане? Почему не испанцы? К чему эта условная Англия с выдуманными королями? Не понимаем.
Allen & Unwin.*

*Какой, к чертям собачьим, пингвин? Какая-то недостойная усмешка над тем, за что на полях Франции было пролито столько английской крови.
Jeopardy books.*

*Признайте, что это неудача – героям вашим не хочется сочувствовать, наблюдать за ними скучно и не смешно.
Лучшее в вашей книге – Киплинг, да и он там по ошибке.
Sunny Jim & Jack Mooney Publishing.*

*Сообщаю вам, что мистер Киплинг
не рецензирует присылаемые ему рукописи.
С уважением,
литературный секретарь Редьярда Киплинга.*

*На кого ваша книга рассчитана? Сегодня жизнь интереснее любых выдумок. Разве можно придумать что-то более экзотическое и душещипательное, чем жизнь в стране Советов?
Hog & Piglets Books.*

*Единственное ирландское в этой рукописи – террористы. Это оскорбительно для нашей прекрасной независимой страны.
Irish Rriters Association.*

*Боюсь, вы ошиблись адресом, но мне понравилось.
Джон Голсуорси, бухгалтер.*

Слово переводчика

В Дублине хмурый и ветреный полдень. Мой друг Никита, рыжий как преисподняя, ирландец иных ирландцев, ищет для меня сувенир. Он врывается в букинистическую лавку на Парнелл-стрит с вопросом:

– Ду ю хэв литл стэтью оф Джеймс Джойс?

Старик в бабочке и с жуткими желтыми зубами кивает.

Пока продавец роется под прилавком, Никита прохаживается вдоль книжных шкафов. Вдруг он замечает на полке знакомую фамилию и радостно усмешается. Увидев до нелепого длинное название, не поместившееся на обложке, начинает хохотать.

Продавец достает статуэтку лепрекона. Но Никита, уже рыдая от смеха, качает головой. Он кладет на прилавок книгу...

Вечером я получаю таинственное сообщение: «Пинту Гиннеса за Дмитрия, литр за Литтона. Дима, я в хламину монаду!»

Тонкая книжица карманного формата. Год издания – 1932-й. Уморительно-несуразное название не уместилось на салатно-зеленой обложке и допечатано на форзаце. Портрет автора – сразу контраст – угрюмый офицер. Британская Военная медаль на мундире. Большой нос, прямой пробор, что для тридцатых уже архаизм. На левой руке перчатка, верный признак боевой раны. Разумеется, пышные усы. Выпяченная вперед грудь. Я почему-то подумал про Угрюм-Бурчеева... Но глаза без маслянистого блеска военной тупости.

Дарственная надпись: «To Marnie with laugh. I hope you'll smile. LTR».

Я читал, порой заглядывая в словарь (каюсь), и желание крепло с каждой страницей:

– Я должен это перевести.

– Так понравилось? – спросила жена.

– Не то слово. Никому не известная книжка обогнула полмира и попала мне в руки. Книжка хорошая. И написал ее практически мой однофамилец. И он как-то связан с Россией. Почему не судьба?

Оставалось последнее.

– Аллю!

– Никита, поклянись, что это не тщательно продуманный розыгрыш.

– Чтоб мне пусто было!

Дмитрий Райц

Маленькие случаи

Сержу Фирену

«Я взглядом спросил кого-то: что это? “Англия”, – отвечали мне. Я присоединился к толпе и молча, с другими, стал пристально смотреть на скалы».

И. А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”».

Случай первый. Мистер Ларк

Мистер Ларк писал музыку для будильников.

Сочиня сонату или струнный квартет – в общем, что-нибудь крупное и серьезное, – он вспоминал о Бетховене, все перечеркивал и расстраивался. Зато «мелодии пробуждения», как он сам называл музыку для будильников, получались у него легко и вдохновенно.

Мистера Ларка приводила в восторг мысль, что его музыка сойдет в ликующем контрапункте с пением утренних птиц и под его мелодии люди будут открывать глаза, отворять ставни на окнах и наблюдать пылающий восход. Тем более часовщики щедро платили.

Иногда мистер Ларк увлекался настолько, что привскакивал от неожиданности, когда звонил будильник, заведенный на шесть часов утра. Мистер Ларк гасил лампу и окруженный рассветным сумраком слушал свою музыку... Особенно он гордился часами с кукушкой, где мелодию будто бы насвистывала деревянная птичка.

Струнный квартет мистера Ларка, серьезный и крупный, исполнялся в концерте. Играя финал квартета – фугетту на тему для часов с кукушкой, музыканты кривили лица. Они вспоминали раннее утро и ледяной мир за пределами одеяла. На виолончелиста нельзя было смотреть без слез. Слушатели прикрывали зевающие рты – им хотелось спать...

А еще мистер Ларк получал письма с довольно изощренными угрозами. Люди не любят то, что мешает их сну. Пускай даже это музыка, написанная кровью вдохновенного сердца. Однажды мистер Ларк получил посылку, в которой лежал смятый будильник и записка: «Ненавижу. В следующий раз будет бомба. P. S. Не поломанная».

Случай второй. Мистер Баджер

Прятели и коллеги мистера Баджера недоумевали, почему уже который год он берет отпуск в октябре. На свете же нет более тоскливой вещи, чем октябрь. Может быть, только ноябрь.

Однако если бы мистер Баджер назвал причину, его коллеги и приятели недоумевали бы на порядок больше. Все дело в коллекции мистера Баджера. Собираение марок он считал слишком банальным, а магниты на холодильник тогда еще не придумали. Поэтому ранним октябрьским утром он вставал под постылые крики кукушки мистера Ларка, завязывал шнурки на новеньких штиблетах и отправлялся в путешествие по очень дождливым в это время уголкам мира. Пускай на свете не осталось места, где бы не потопталась чья-то нога, но ведь то была нога не мистера Баджера и уж точно не в таком роскошном штиблете.

За последний век путешествия стали просты и приятны. Всего за сутки можно преодолеть немислимые расстояния, пересечь континент средней величины или небольшой океан, и при этом все, что нужно от путешественника – не опоздать к отбытию. Дома мистер Баджер ставил перепачканные башмаки в шкаф, определяя полку по широте, а место на полке – по долготе очередного грязного места. На пятой полке третьей справа стояла чистая на первый взгляд пара – туда забился камешек из пустыни Сахара, а двумя полками выше – заляпанные детские ботиночки, дочкин вклад в папину коллекцию.

Мистер Баджер собрал обувь с грязью всех континентов и крупных архипелагов, кроме Антарктиды. Конечно, он мог бы собирать открытки, но далеко не везде печатают открытки, а в грязь в ином месте труднее не наступить.

Случай третий. Мистер Илк

Мистер Илк писал замечательные пьесы. Его трагедии с накалом страстей, безжалостным Фатумом и кровавой гибелью большинства героев имели заслуженный успех.

Мистер Илк писал очередную пьесу. Он заканчивал сцену, в которой королю предстояло пасть от рук лицемерных злодеев, как вдруг сквозь пыльные предания старины и увесистые тома хроник разглядел в Чарльзе III¹ никем не любимого, одинокого человека. Мистер Илк почувствовал к нему жалость и не смог, пусть даже на бумаге, убить несчастного короля.

Он придумал новый финал, в котором никто не погибал, король женился на красавице, мирился с врагами, правил еще добрых полстолетия, а по праздникам мыл ноги нищим. Пускай Чарльз III сгноил в Тауэре семерых племянников, трех шуринов и деверя, зато после него во славе и процветании Англия пребывала до самого правления Чарльза IV.

Впервые написав слово «занавес» под счастливой концовкой, мистер Илк испытал радость и облегчение, точно он поступил правильно, или бескорыстно совершил доброе дело, или сделал приятное милому человеку.

Пьесу поставили в Королевском театре. На каждом спектакле счастье короля становилось достоянием зала, полного зрителей, от богатых лож с бархатными стульями до галерки,

¹ В России первые два Чарльза – Карлы, но как назовут третьего Чарльза, пока неясно. (Прим. пер.).

где приходится вообще стоять. И всякий раз, когда падал занавес, люди вскакивали с мест, кричали: «Браво мистер Илк!» – и отбивали себе все ладони, вызывая на сцену автора пьесы. Однажды от грома оваций в театре обрушилась люстра. Погибло три человека.

Случай четвертый. Чарльз IV

Английского короля Чарльза IV не любили подданные. Нет, не из-за разнузданной карательной системы или самого факта налогообложения. Если кто-нибудь из придворных спросил бы народ, что же такого отвратительно-гадкого людям сделал король, большинство ответов свелось бы к тому, что чего-то однозначно плохого вспомнить не получается, просто он уже осточертел. Англичане даже допускали мысли о республике, отдельные радикалы вели об этом разговоры с глазу на глаз.

Как назло, в это самое время король Шотландии Фрэнк I задумал вернуть себе любовь вассалов, а также несколько сот миль вересковых полей. Началась война. Умереть за Чарльза IV перестало считаться за доблесть, так что весть о войне англичане восприняли довольно скептически. Как и приказ короля об атаке в битве при Хеджхогшире. Солдаты нагло смотрели на Чарльза IV, не двигаясь с места...

А дальше у историков есть два мнения, которые с этого момента расходятся, как рукава рубашки – диаметрально.

Вот что пишут первые.

Заорав свирепый боевой клич, Чарльз IV бросился на врага и не заметил, что никто из английских солдат не следует за ним. С шотландской стороны раздались яростные, воинственные вопли, и навстречу шумному английскому королю выбежал один только Фрэнк I. При всей нелюбви к англичанам шотландцам понравился ход их мыслей.

Сильным мира сего стоит чаще так делать: решать споры в честном поединке, один на один, не губя при этом кучу народа. Одним ударом меча Чарльз IV снес вопящему Фрэнку голову с короной в придачу. С тех пор англичане пусть и не прониклись к Чарльзу IV раболепной любовью, но крепко уважали: «Срубить башку за раз – это сильно».

Мнение второй части историков гораздо забавнее.

Они считают, что Чарльз IV на самом деле был гигантским говорящим пингвином.

Случай пятый. Мистер Свеллоу

Художник-карикатурист мистер Свеллоу в неделю получал до девяти вызовов на дуэль. Преимущественно на пистолетах. Для него это означало несомненное профессиональное признание.

Однажды, разливая по чашкам полуденный чай, мисс Баджер, дочь чудаковатого коллекционера мистера Баджера и невеста мистера Свеллоу, обратилась к жениху с просьбой нарисовать ее портрет. Мистер Свеллоу объяснил, что рисует только карикатуры и чуть-чуть шаржи, но мисс Баджер возражала: «Ну пожалуйста, моя пчелка», – и часто хлопала ресницами, окаймлявшими большие-большие незабудковые глаза.

Мистер Свеллоу приступил. Он переводил взгляд с листа на мисс Баджер, и от ее красоты его сердце таяло и трепетало. Через рисунок он хотел излить переполнявшее его море любви, но набитая на желчном высмеивании рука не слушалась. Милый носик мисс Баджер на бумаге оказался горбатым и кривым, а уши – оттопыренными и громадными. Мистер Свеллоу стер уши... К концу сеанса он понял, что любит невесту не за внешность, но в целом как личность.

Делать людям приятное гораздо труднее, чем делать неприятное. Мистер Свеллоу исписал дюйм карандаша и сгрыз два дюйма с обратной стороны, пока не остался доволен. «По моему, похоже и мило. Я очень старался», – сказал он, вручая рисунок невесте. Мисс Баджер взглянула на портрет. Улыбка сошла с ее лица. Позабыв про сдержанность, она выплеснула

остывший чай в лицо мистеру Свеллоу и отвесила ему пощечину. «Это конец!» – на всякий случай добавила она.

Мисс Баджер вышла замуж за другого художника. Мистера Свеллоу особенно злило то, что ее супруг был пейзажистом. Он принял это за личное оскорбление.

Случай шестой. Мистер Булфинч

Вместе с другими гвардейцами мистер Булфинч состоял в заговоре. Планы заговорщиков включали вооруженное восстание во время коронации Чарльза VI, установление республики и, наверное, суд над королем. Споры о последнем не прекращались вплоть до самого бунта.

Но, как часто бывает с тайными заговорами, кто-то донес. Верные королю войска окружили гвардейцев, едва те появились дождливым сентябрьским утром на площади Пикадилли. Гвардейцы сложили оружие.

Столь же верная королю пресса хлестала бунтовщиков плетью сатиры. Газеты клеймили их «сентябристами», «новыми кромвелями» и остроумно желали, чтобы «медведи при встрече их приняли за медведиц». Мистер Свеллоу нарисовал карикатуры на всех сентябристов, за что получил титул придворного карикатуриста.

Суд над бунтовщиками привел к небывалому бурлению страстей в обществе. Ставки на его исход доходили до четырех к одному на цивилизованный расстрел и до трех к одному на четвертование. Я лично поставил целую гинеею на старое доброе повешение... и проиграл.

На черной Темзе мерцали алые блики зари. Страшные очертания виселиц вырастали из темноты. Приговоренным затянули на шеях петли. Палач в капюшоне уже поигрывал пальцами на ручке смертоносного рычага, как вдруг примчался гонец с известием: милостивый Чарльз VI заменяет казнь лишением гвардейского красного мундира с высокой меховой шапкой и пожизненной ссылкой в Австралию.

Многие сентябристы велели женам забыть своих непутевых мужей и жить дальше. Но жены сентябристов, возможно из вредности, а может быть, от любви, пренебрегали благородным советом и вслед за мужьями отправлялись на угрюмый континент.

Но вернемся к мистеру Булфинчу, ради которого повествование и затевалось. Он писал миссис Булфинч: «Представь себе, сегодня к рудникам приходил странный человек, очень прилично одетый. Он наступил в лужу, потоптался в ней и пошел дальше в ужасно перепачканных туфлях. Я дам согласие на развод, если хочешь. Искренне твой, Бартоломью».

Даже на каторге на другой стороне Земли мистер Булфинч не забывал о приличиях. Он не хотел, чтобы жена, получив письмо, сочла его слабым, сломленным и немужественным. Хотя у него комом в горле стоял крик: «Любимая, мне очень плохо! Пожалуйста, приезжай! Иначе я погиб! Я пошел на это только для того, чтобы ты мной гордилась! Кругом жуткие существа с карманами в коже! Птицы без крыльев, волосатые и ростом с человека! Я бы все отдал за тебя, пожертвуй хоть чем-нибудь ради меня! Умоляю, приезжай! Искренне твой, Бартоломью».

Мистер Булфинч получил короткий ответ: «Спасибо, дорогой. Ты прелесть. Пришли письменное согласие (на развод). Я встретила другого мужчину. Он тамбурмажор. С наилучшими пожеланиями, Прунелла».

Мистер Булфинч опешил.

А что остальные сентябристы? Не видя солнца в зените, от зари до заката они долбили руду для ненавистного короля. Но в шахтах они пели и вбивали кирки в породу не без увлечения. Несмотря на кандалы, они ходили вприпрыжку. Какую великую власть имеют женщины над мужским настроением! В душе мистера Булфинча жалость к себе и черная зависть соединились в наиотвратительнейшее чувство, на какое бывает способен человек. Он сообщил властям, что жены готовят своим мужьям побег. Ему поверили и арестовали женщин. Всем в Австралии стало так же плохо, как и мистеру Булфинчу. Конец.

Такой вот сюжет придумал мистер Илк для своей новой пьесы.

Банальный ход? Сейчас поправлю. Это был сон мистера Булфинча. Сон бы снился себе и дальше, но концовку его скомкал мистер Ларк.

Буллон, 1916.

Случаи средней величины

Моим родителям, лучшим Райцам на свете²

² В английском издании опечатка, но рука не поднимается исправить ее. (Прим. пер.)

Случай первый. Мистер Лепвинг

«Человек стремится не к счастью; только англичанин делает это».
Ф. Ницше, «Сумерки идолов, или как философствуют молотом».

Мистер Лепвинг относился к наименее уважаемой категории населения Англии после чистильщиков слоновьих клеток и банковских клерков – он служил чиновником.

Не тяга к монете с профилем короля, но нужда в ней довела молодого человека до ворот Министерства документопроизводства. К его должностным обязанностям как документопроизводителя второго класса относились: подготовка распоряжений и объяснительных; составление официальных запросов; планирование документопроизводства; подшивка бумаг в архивные тома; смазывание печатей... Не покидает чувство, что в перечне не хватает чего-то очень важного... Ах да! Заточка перьев входила в зону ответственности специалиста первого класса, но содержанием чернилниц занимался именно мистер Лепвинг.

Естественно, не об этом мечтал чиновник, подолгу разглядывая экзотические штемпели на входящих письмах. Точно заклинания он повторял названия заморских городов, и воображение рисовало ему, как могло, далекие берега. Смешно и неловко писать, но мистер Лепвинг любил представлять себя путешественником, вроде легендарного последнего первооткрывателя сэра Френсиса Шрайка. В море, с подозрительной трубой у пытливого глаза, на капитанском

мостики брига, который мчится на всех парусах проливать свет в темные уголки географической карты...

Тем временем мистер Лепвинг в нарукавниках, надетых поверх пиджака, проделывал дыроколом в бумагах аккуратные круглые отверстия. Чиновник сжимал ладони в большие кулаки, потягивал широкими плечами и сомневался: неужели его сильные руки не найдут лучшего применения, чем носить пачки документов, в которых они же чуть раньше пробили дырочки? Не веселее ли им будет поправлять пробковый шлем на голове и грести веслом из бедра гориллы что есть мочи, подгоняя лодку из гиппопотамьих шкур к истокам великой африканской реки?

Однако пробковый шлем на голове пробковым шлемом, а задатки идеального бюрократа задатками идеального бюрократа. Все же нечто большее, чем просто жалованье, принуждало его служить в Министерстве документопроизводства. Случалось, он испытывал настоящий трепет вдохновения, из предложений легко и быстро скрывалась цепь фактов, неразрывная, убедительная, без лишних и слабых звеньев. Любимец канцелярской музыки как художник, а не просто исполнитель, ставил внизу страницы подпись и верил: «Документ может быть прекрасен. Наверное, от моей работы не очень много пользы, но какая вообще польза от создания чего-то красивого!» – потом доливал чернила в чернильницу, вытирал горлышко тряпочкой и закручивал крышку. Расправляя плечи, мистер Лепвинг не чувствовал сомнений. Он понимал, что гордится своей работой, более того, получает от нее удовольствие, но тут же ник, смущаясь своего крохотного счастья.

Не стоит ни стыдиться своих, ни презирать чужие поводы для счастья, это некрасиво и еще более неумно. А может быть более некрасиво, чем неумно. Хотя скорее все-таки более неумно, чем некрасиво.

Мистеру Лепвингу досадно было брать в руки некрасивый документ, формальный, неряшливый, безграмотный. Тайную радость мщения испытывал вдохновенный чиновник, когда писал на них подчеркнуто безукоризненные ответы, клокотавшие бюрократическим гневом. Главным в таких письмах был последний абзац с убийственным выводом вроде: «Вышеизложенное характеризует Вас весьма отрицательно как документопроизводителя Его Величества. В случае повторного выявления аналогичных фактов несоответствия занимаемой должности к Вам будут применены меры административного влияния в соответствии с п. 9.7.3.3 Приказа от XXX № XXX “О внесении изменений в Приказ от YYY № YYY «Об отмене Приказа от ZZZ № ZZZ “Об отмене телесных наказаний за грамматические ошибки”»»».

Полярная ночь. Голубоглазые псы тянут скрипучие сани. Упряжкой правит мистер Лепвинг. Он во всем зимнем и на меху. Нет ни звезд, ни темноты, ни северного сияния, есть только белая вьюга, которая метет и воет... воет почему-то как будильник. И сани скрипят по снегу как будильник. И псы тоже лают как будильники. Чиновник вынужден просыпаться. Не стоило читать на ночь полярные записки сэра Френсиса Шрайка...

Возвращаясь со службы домой, мистер Лепвинг иногда сворачивал на малознакомые улочки. Он любовался неизвестными ему витринами и представлял себя первооткрывателем этих мест. Пытаясь как-то утолить жажду приключений, мистер Лепвинг решил исследовать все помещения министерства: от каморки со швабрами до управления обеспечения пользования канцелярскими аппаратами. Экспедиция заняла совсем мало времени и не утолила его жажды. Когда в неременном пробковом шлеме ты прорубаешь мачете дорогу сквозь заросли колючих лиан, за которыми таятся и кричат животные джунглей, это приключение. Когда же ты слоняешься в рабочее время по кабинетам, это безделье.

Чтобы бездельничать служащим было стыдно, министр документопроизводства барон Воул ежедневно, с полдевятого до полшестого, взирал на своих подчиненных с парадного портрета. В красном мундире с орденами, верхом на белом коне барон походил на славного героя времен Наполеоновских войн. Когда сам министр ставил резолюцию на его бумаге, мистер Лепвинг не без гордости думал, что приложил руку к вершению истории. Барон Воул казался робкому чиновнику созданием иного вида, иного склада мысли, так что когда большой начальник вошел в комнату, мистер Лепвинг был удивлен и немного разочарован, увидев обычного человека из той же плоти и с той же кровью в жилах. Портрет показался ему несколько приукрашенным. Может быть, потому, что барон вошел без коня.

Барон Воул вдруг обратился лично к нему:

– Я бы хотел потолковать с вами, Киплинг.

– О чем, с-сэр? – несмело спросил мистер Лепвинг, стоя в кабинете у министра, и тут же проклял себя за подхалимскую робость. «Но теперь я точно обошел все закоулки министерства», – подумал он.

– Знаете, в колониях на Востоке все чудесно, замечательно, прекрасно, отлично, славно, изумительно, выше всяких похвал, ничего себе, на пять с плюсом, – между словами министра тянулись длинные паузы. Пару раз Лепвинг даже открыл было рот, чтобы ответить. Хотя главный вопрос поджидал впереди. – Так, о чем я?

Нет, это не тот вопрос.

– О колониях на Востоке, с-сэр.

– Да, Восток... Там все образцово, превосходно, блестяще, отменно, великолепно, попросту хорошо. Вот только документопроизводство на весьма плачевном уровне. Надо бы его подтолкнуть. Вы согласны отправиться в Индию?

Можно не мечтать изъездить весь мир, но нельзя мечтать просидеть всю жизнь на одном месте. О да, он был согласен!

Мистер Лепвинг пытался дописать распоряжение, но дурачливый восторг распирал обыкновенно серьезного чиновника. Набрав в перо побольше чернил, он во весь лист нарисовал густое, темно-синее солнце...

Иногда самое интересное занятие на свете – просто поверить в судьбу и ждать того, что будет. И вот судьба уже собрала за него чемоданы. Мистер Лепвинг бежал по улице. Он спешил не домой, нет. Ему хотелось танцевать фокстрот с зонтиком и распевать что-нибудь веселое и скабрезное, точно футбольный болельщик³. Он спешил жить, торопился быть счастливым.

Но вдруг, вдруг и еще раз вдруг – чем ближе был день отплытия, тем меньше мистера Лепвинга радовала сбывшаяся мечта.

Ребята из управления обеспечения пользования канцелярскими аппаратами подарили ему на прощание настоящий пробковый шлем. Все улыбались, им было приятно, что подарок понравился, что мистер Лепвинг тронут до слез. Извините за каламбур, но слезы чиновника проистекали из другой причины. Жалко было все, что останется здесь, даже дырокол и чернильницу или каморку со швабрами. Барон Воул с парадного портрета смотрел ему вслед как строгий отец, который провожает сына на войну и боится разрыдаться. То же и конь.

Со стиснутым сердцем мистер Лепвинг ходил по улочкам, вчера еще набивавшим оскомину, и никуда не хотел уезжать. Там, наверное, и мостовых-то нет. Еще и плыть предстоит через два океана – это сколько же воды, в которой можно утонуть! Сидя в пабе, мистер Лепвинг топил в прощальной пинте пива свою предностальгию. Там, наверное, не пиво, а какая-то пряная дрянь.

³ Извините, но меня не простят, если я не воскликну в этом месте: «Glory Glory Man United!» (Прим. пер.)

Зато там тепло и круглый год фрукты! Смелей, делопроизводитель! Ни для кого перемены не проходят спокойно, всем страшно, но это же не повод ничего не менять. Оставим неподвижность камням и кустарникам, а сами двинемся в путь!

Когда с некоторым грузом неизбежности на душе и чемоданом он оказался на пирсе и увидел корабль – деревянного красавца с парусами в полнеба, который промчит его до Индии через парочку океанов, – сомнения утратили смысл. Мистер Лепвинг пришел в восторг: началось его приключение.

Странствующий чиновник упивался плаванием: летевшими из-под ростра брызгами и пеной, полными ветра парусами, вездесущей синевою небес, радостным стрекотом дельфинов. Ему сказочно повезло – у него на глазах синий кит с мириадами брызг выпрыгнул из воды. Торжественно-медленно, махнув фигурной скобкой хвоста, он скрылся в море, чтобы мычанием заунывных песен нарушать безмолвие глубины.

Предлагаю воспользоваться достоинством литературы и оборвать историю мистера Лепвинга в тот прекрасный момент, пока его сердце скачет, точно счастливая белка среди ветвей, туда-сюда, туда-сюда.

Сюда так и просится мораль. Он отважно путешествует, занимаясь документопроизводством. Образно говоря, журавль сам спустился из поднебесья и сел к нему в руки, полные синиц. Какая же тут мораль? Просто случается – человеку везет так, что удивительно, почему он еще не бежит в казино.

Индия явилась мистеру Лепвингу в виде тонкой зеленой линии, разделявшей небо и океан. Над ней пылало огромное, рубиново-красное солнце.

– Земля! – прокричал матрос с мачты.

Ах, если бы в этот миг мистер Лепвинг был еще и капитаном судна...

Могилев, 1917.

Случай второй. Капитан Маскрет

Ныне я упираюсь пятками в монгольский мир и рукой осязаю каменные кудри Индии.
В. В. Хлебников, «Дети выдры».

К фамилии «Маскрет» звание полковника подходит куда больше звания капитана. Вообще, как говаривал мой дедушка, «еще надо поискать имя, чтобы оно испортило полковника». Однако старший офицер никогда не повел бы себя настолько нелепым образом, каким еще себя поведет капитан Маскрет.

Извините за каламбур, но капитан Маскрет был рядовым офицером 35-го Норфолкского кавалерийского полка, немало потоптавшего долины Индии копытами своих кобылиц. Как и все капитаны от Бенгалии до Пенджаба, капитан Маскрет выслуживался до майора и время от времени тосковал по настоящей лондонской зиме. Дойти до полковника и дотянуть до пенсии, вернуться в Англию и издать том экзотических мемуаров – таков был его краткий план на долгую жизнь.

Виноваты ли мойры, или рок, или провидение, или Лакшми, или его величество случай, или сам Господь Бог, но его судьба сложилась вопреки всем планам. Королевская кобра выползла из норы в то самое время, когда капитан Маскрет упражнялся на манеже. Обезумев от ужаса, лошадь вскочила на дыбы, дернулась в сторону, оступилась и рухнула на барьер...

– Вот мы и проснулись! Я ваш врач, доктор Джой.

Капитан Маскрет не смог пошевелиться и испуганно взглянул на врача.

– Наверное, по количеству переломов вы побили какой-то рекорд. У вас сломано все, кроме, пожалуй, шеи. Вам повезло. Но надо полежать.

За пределами больницы заходило и поднималось солнце, продолжая суетливую, пылающую и пряную жизнь британской Индии. Заключенный в оковы из бинтов и гипса капитан Маскрет мог наблюдать только ничтожно малую точку этой жизни. Тени ветвей и листьев качались на стене палаты. Они качались до того однообразно и неторопливо, что капитан Маскрет забывался мучительно-сладостным сном. Он обнимал пышущую жаром лошадиную шею. Рыжая кобылица рассекала встречный ветер и вбивала ароматные, росистые травы в жирную землю. Грива щекотала ему щеки, во всем зверином теле пульсировали реки крови и рвалась вперед жизнь.

Обычно его будила медсестра, обходящая больных с ведерком термометров. Капитан Маскрет видел на стене осточертевшие тени, чувствовал приторный запах бинтов и гипса на нечистых лихорадочных телах, слышал всхлипы и стоны. И сам он готов был взвыть, точно погибающий с голоду волк, который скулит на полную луну, как будто сделанную из сыра. Ему не вернуть тяжесть тела на твердо стоящие ноги, не вскочить в седло. Той жизни не будет. И, кажется, не было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.